

О. Г. Усенко (Тверь)

**ПРИМЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СЛЕДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДЕЛАМ
О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В РОССИИ XVII–XVIII ВВ.**

Предметом рассмотрения являются доносы (изветы) о государственных преступлениях, показания свидетелей и показания обвиняемых (последние два вида источников могли облекаться в форму «расспросных», «допросных» и/или «пыточных речей»).

Актуальность проблемы интерпретации этих источников обусловлена тем, что в отечественной историографии распространён излишне упрощённый подход к выявлению и

[с. 366]

осмыслению содержащейся в них информации. Далеко не всегда учитывается, что их создателями являлись, как правило, чиновники (лишь иногда доносчик или обвиняемый фиксировали свои показания собственноручно). Кроме того, многие историки страдают излишней «доверчивостью» к нередко встречающимся ложным показаниям. Так, по мнению М. М. Богословского, хотя оговоры нельзя считать достоверными источниками, тем не менее часть имеющихся в них сведений надо рассматривать как вероятные. Подследственные могли не говорить тех слов, которые приписываются им в извете, но они могли так думать, – полагает исследователь. По его словам, «оговоры отражают образ мыслей и настроение той среды, из которой они выходили», ибо в противном случае власть имущие им бы не верили (Богословский М. М. Пётр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 177–178, 192). Сходным образом рассуждает и П. В. Лукин – его интересует не столько то, говорил ли обвиняемый на самом деле те или иные речи, сколько сама возможность их произнесения: «То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях». При этом историк полагает, что в следственных материалах «действительные взгляды простых людей» не искажались и под юридические шаблоны не подгонялись (Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 14–15).

Между тем тщательное изучение следственных дел XVII в. показало: «Почти все записи... не протокольные в нашем понимании, а довольно подробная и относительно точная только по смыслу передача ответов допрошенных... Подьячие излагали ответы допрашиваемых в нормах приказного языка. Показательно, что в этих свитках преобладает передача показаний косвенной речью... Но и прямая речь лишь в очень редких случаях может быть сочтена за точную запись, тем более, что никаких отступлений от выученной орфографии и грамматики дьяки при этой записи не допускали» (Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 30). И в XVIII в. обвиняемые чаще всего давали показания, «сидя перед следователями, которые, несомненно, участвовали в

[с. 367]

составлении ответов, "выправляли" их. Часто ответы писали со слов ответчика и канцеляристы» (Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 335).

Я полагаю, что интерпретация указанных выше источников должна базироваться на выявлении в них двух информационных пластов – «фактологии» и «концептологии».

«Фактология» – это явно выраженная (эксплицитная) и достоверная информация конкретного характера, имеющая «привязку» к определённому лицу (лицам), моменту времени, месту и ситуации. Она содержится: 1) в доносе, который был доказан, т. е. свидетели его подтвердили и/или обвиняемый признал свою вину, 2) в опровергающих донос показаниях свидетелей и обвиняемого – в той части, где они совпали. Она отражает историческую реальность в обеих её ипостасях – и объективной, и субъективной. Если говорить конкретней, фактология свидетельствует о повседневной жизни людей прошлого и о том уровне их психики, где коренятся обыденное сознание и наглядно-образное мышление. Она извлекается в процессе интерпретации низшего уровня – при выявлении «непосредственного содержания» текста, а именно его значений (указаний на денотаты – означаемые объекты) и сюжетной структуры, т. е. отношений между денотатами (см.: Лебедев В. Ю. Очерк теории сакрального перевода. Тверь, 2001. С. 18–19).

«Концептология» – это имплицитная (скрытая) информация, получаемая в ходе интерпретации высшего уровня – при выявлении «смысла» текста, т. е. концептов (социокультурных признаков денотатов) и отношений между ними (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 278, 618). Другими словами, это частичная реконструкция психического и духовного мира изучаемых персонажей на том его уровне, где коренятся общественное сознание, групповое сознание, социальная психология и менталитет (об этих понятиях см.: Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 29–42). Таким образом, «концептология» отражает лишь субъективный аспект исторической реальности, причём если и характеризует индивида, то лишь как представителя

[с. 368]

определённой общности и/или эпохи. Она извлекается: 1) из недоказанных доносов, 2) из ложных показаний обвиняемого, т. е. таких, от которых он позже отрёкся или которые опровергли свидетели, 3) из «фактологии».

При работе с «концептологией» нужно соблюдать ряд условий. Во-первых, целесообразно применять системный подход: все источники, созданные в определённый период и/или относящиеся к некоей общности, можно рассматривать как элементы единой информативной системы; в то же время каждый из них предстаёт как относительно автономная система, основные уровни которой – сюжет (событийная канва), повествование (речевые конструкции) и видеоряд – графика письма, разбивка текста, изображения (если они есть).

Во-вторых, надо учитывать, что большинство источников являются продуктами взаимодействия двух сознаний – следователей и подсудимых. Если последние – выходцы из низших слоёв общества, то речь уже идёт о взаимодействии двух культур – «письменной» и «устной», «элитарной» и «народной» (об их различиях см.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–11; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 22–29, 32, 40, 207; Лурия А. Р. Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971. С. 52–60). Думается, что анализ визуальной и логической структур текста, его грамматики, имеющихся понятий и обобщений позволяет судить лишь о сознании судебных чиновников. О сознании подсудимых мы можем судить главным образом по характеру их воспоминаний и аргументации, требованиям и поступкам, таким элементам их речи, как фразеология, тропы, образы и символика, а также по «умолчаниям» и речевым «лакунам».

В-третьих, нужно следовать принципу «диалога культур», который требует от исследователя осознания относительности привычных для него социокультурных норм и ориентирует его не на вынесение оценок «иному», а на понимание и объяснение «чужеродного».

Наконец, историк должен понимать, что конкретное содержание «концептологии» зависит от целей и методологии исследования.

[с. 369]
